

Б. П. Миловидов

Факторы социокультурной адаптации военнопленных армии Наполеона в России

Несколько десятков тысяч военнопленных солдат и офицеров Великой армии, переживших гуманитарную катастрофу отступления от Москвы и первых недель пребывания в русском плену на завершающем этапе кампании 1812 г., оказались рассредоточены практически по всем губерниям России. На середину февраля 1813 г. в 45 губерниях и одной области Европейской России находились в живых 44 647 пленн^{ых}¹. Прибывали пленные в Россию и позднее. Оказавшись в незнакомой для себя и даже чуждой стране, среди враждебного, особенно в разоренных войной областях, населения, эти путешественники поневоле вынуждены были адаптироваться к жизни в предложенных судьбой обстоятельствах, находить контакты и выстраивать отношения с различными слоями российского общества. Этому способствовал ряд факторов социокультурного характера.

Тон гуманного обращения с пленниками, что соответствовало принципам международного права и европейским обычаям войны, задавало российское командование на самом высоком уровне, что в какой-то мере служило образцом и для офицерского состава армии. Ганноверский уроженец подполковник К. Л. Х. Шенк в русской Главной квартире был представлен М. И. Кутузову; фельдмаршал любезно разговаривал с пленником на немецком и французском языках, спросил, в каком городе он хотел бы провести плен, и заверил, что у него будет достаточно времени, чтобы выучить русский язык. Более того, Кутузов вручил пленнику 500 руб., а также его собственные часы, выкупленные главнокомандующим у ограбившего Шенка казака². Грабеж пленн^{ых} казаками,

и не только ими, был обычным делом, и Кутузов своим поведением демонстрировал легитимность такой практики. Пока Шенк находился в русском лагере, он нередко завтракал с офицерами гусарских полков (пленник и сам служил в легкой кавалерии). В воспоминаниях он восхищался их человеколюбивым обращением, противопоставляя его грубости полицейских чинов во внутренних губерниях³. К плененному в Вильне генералу барону Ф. Ф. Гийому де Водонкуру весьма дружески отнесся великий князь Константин Павлович, знакомый с ним еще с 1799 г. Тогда, в Италии, барон уже попадал в русский плен, и Константин Павлович узнал его. «Он принял меня так ласково и учтиво, что о лучшем и мечтать было нельзя. В тот же день он пригласил меня отобедать в своем кабинете вместе с его адъютантами, генералом Курутой и полковником, а впоследствии генералом Сталем... Эти два храбрых и достойных военных в дальнейшем не раз одарили меня знаками своей искренней и преданной дружбы», — пишет мемуарист⁴. В результате генерал получил право жить в российской столице. В Петербурге пленник собирал исторические материалы, относящиеся к наполеоновским войнам, для чего ему была предоставлена возможность работать в библиотеках. В круг его общения входили семейства графа В. Ф. Васильева и французского врача Бигеля, приписанного к дому великого князя Константина. Генерал общался с графом В. В. Мусиным-Пушкиным-Брюсом, адмиралом П. В. Чичаговым, английским дипломатом Дж. Уолполом и т. д., посещал пленник и Стрельну⁵.

Генерал Д. С. Дохтуров писал своей жене 23 ноября (5 декабря) 1812 г.: «Я взял из жалости под Красным молодого итальянца. Он не ел несколько дней и верно бы замерз, если бы Бог не привел меня на его счастье. Теперь он здоров и уже распеваает. Я его одел как только можно было»⁶. Генерал И. С. Дорохов, взявший под Вереей в плен подполковника Л. В. Конради и его товарищей, пообещал облегчить в плену их участь. Его рекомендательное письмо к губернатору в Орле, где первоначально находились пленные, резко переменяло отношение властей к ним в лучшую сторону⁷. Помощь и покровительство осуществлялись и на более низком уровне. Француз Альбер Луи Дюпон был взят в плен на Березине, как он сам указывал, бароном Розеном и полковником Потемкиным. Француз чем-то приглянулся Потемкину и, хотя в 1814 г. получил паспорт для возвращения на родину, продолжал жить в его доме в Петербурге⁸.

Взятого в плен в ходе Заграничного похода обер-лейтенанта Г. фон Фосслера и его товарищей встретивший пленных по дороге уланский русский полковник пригласил на обед, «разговор велся свободно и непринужденно», и ни один русский не демонстрировал к автору враждебности, узнав, что он участвовал в кампании 1812 г. Ненависть русских военных к пленным если и существовала, то резко почти нигде не выражалась⁹. Эта модель поведения воспринималась в определенной степени и нижними чинами. Саксонский полковник А. Ф. В. фон Лейссер остался навсегда благодарен старому русскому кирасиру и молодому офицеру, которые не позволили в пылу боя добить

раненого и потерявшего способность к сопротивлению пленника. Кирасир-ветеран сопровождал Лейссера во время транспортировки и чрезвычайно привязался к нему¹⁰. Старый гренадер сопровождал на первом этапе и взятого в плен молодого унтер-лейтенанта С. Э. Рюппеля, он привязался к своему «подпечному» и при расставании подарил ему три копейки — сумму, имевшую для солдата значение¹¹. Во время движения Рюппеля во внутренние губернии в составе конвоя был еще один сражавшийся даже когда-то под Очаковым ветеран, по имени Иван, который ежедневно угощал пленников своей трубкой с простым табаком¹². Внимание старых солдат к пленным стоит отметить особо. В случае с Лейссером явно играло роль особое уважение к высокому офицерскому званию, хоть это был и пленный противник. Но и у офицеров (в силу статуса и образования), и у ветеранов-солдат (в силу опыта) в подчеркнутом внимании к пленным проявлялось понимание общности переменной военной судьбы, ведь они сами могли в любой момент оказаться или уже оказывались в подобном положении.

На участие и помощь военных и иногда даже казаков могли рассчитывать не только офицеры. Канонир Х. Веземан, взятый в плен при Березине, вспоминал, как о нем позаботился «один гвардейский казак», который после спора с хозяйкой дома, где они ночевали, принес Веземану и его приятелю-пленнику кусок вареного мяса и половину каравай хлеба. В тех условиях для голодных это было большое благодеяние. Чуть позже по пути один русский офицер защитил пленных от грабежа, которому они подвергались со стороны русских же солдат. Офицер заявил, что по приказу императора Александра пленным сохраняется их собственность¹³. Мемуаристы фиксируют проявления уважения к противнику, с которым только что бились русские войска. Так, русские гусары, узнав в проходивших пленниках французских уланов, с которыми незадолго до того сражались, бросились к ним, вручили им свои флаги, напоили их «как братьев» и вели себя по отношению к ним «так благородно и человечно, как это вряд ли можно встретить у других народов». Так пишет Х. К. Циммерман, служивший в 9-м легкоконном полку. Далее он рассказывает, как к пленникам подъехал великий князь Константин Павлович с несколькими генералами, позвал офицеров и спросил их, как с ними обращаются. Те пожаловались на голод, и вскоре были доставлены сухари, пленных накормили горячей пищей¹⁴.

Российское дворянство, как столичное, так и провинциальное, а отчасти и чиновничество, ориентированное на европейскую культурную традицию, также охотно привечало ее живых носителей. В Москве раненый французский генерал Ш. О. Бонами попросил у главнокомандующего в городе Ф. В. Ростопчина денег в долг и получил 1000 руб.¹⁵ Один из помещиков по фамилии Корсаков, чье имение находилось в 150 км от Рязани, сам пожелал познакомиться с немецким полковником Лейссером, ибо слух о его прибытии возродил в памяти старика воспоминания о Германии, где он побывал в юности¹⁶.

В Воронеже, где пленных держали под охраной в отдельном помещении, к ним пришел старый князь Долгорукий со своими дочерью и племянницей. Он имел искренние намерения помочь пленным и предложил им 300 руб., однако французские офицеры отказались, попросив помочь прежде всего нижним чинам, для раздачи которым русский князь передал 100 руб.¹⁷ В Вязме дамы, явно принадлежавшие к высшему обществу, жертвовали пленным деньги¹⁸.

В. П. Тотфалушин, обобщая свидетельства нескольких мемуаристов, проведших плен в Саратове, пишет: «Высшее общество Саратова приняло пленных офицеров в свой круг, они бывали на званых вечерах и балах, с непременным угощением, карточной игрой и танцами. То же можно сказать и об уездной верхушке», — комендант Камышина, городничий и уездный лекарь Петровска регулярно приглашали пленников к столу¹⁹. Тон в этом отношении задавала семья саратовского губернатора А. Д. Панчулидзева, в доме которого собиралось общество, говорившее по-немецки и по-французски. И упоминавшийся подполковник Шенк, по его словам, был обязан этому обществу «многими радостными днями». На обратном пути из плена по прибытии в Пензу Шенк и его спутники (тоже пленные) были приглашены на ужин к помещику Шереметеву, где было самое изысканное общество, разговор шел на английском, немецком и французском языках²⁰. В Бузулуке некоторых пленных, даже рядовых, дворяне поочередно брали к себе в качестве гостей²¹. Теплый прием, оказанный пленным офицерам в доме у полицмейстера в Саранске, также послужил своеобразным сигналом для местного дворянского сообщества. Как пишет К. Л. Йелин, ни одни именины или семейное торжество не обходились без пленных²². Шенк, хоть и ругал провинциальных полицейских, но с благодарностью вспоминал, как по дороге в Воронеж в каком-то городке, где не было даже гостиницы, городничий пригласил его на чай и ужин. Тут же находились два русских раненых офицера, которые приняли пленника «со всевозможным дружелюбием и вежливостью». Говорили по-немецки, по-французски, так что вечер прошел очень приятно²³. В Перми «много милосердия к бедным пленным» проявил и находившийся там в ссылке М. М. Сперанский. Это отмечает в своих воспоминаниях капрал Бюттнер²⁴. Дж. Терци, итальянский маркиз, в письме матери от 4/16 сентября 1813 г. описывал данный в Вильне дворянством бал, на который был приглашен и он. В Петербурге среди знакомых Терци были граф Ю. П. Литта, Дж. Кваренги, итальянский дипломат А. М. Серра ди Каприола и т. д. Кваренги отмечал «его любезность и его манеры, столь вежливые и благородные, которыми он блистает в свете и среди образованных людей, трудно вообразить бóльшую воспитанность, на которую указывают как на пример»²⁵.

Отправленный в Чернигов один из немецких пленников Мауц завел роман с проживавшей неподалеку в поместье состоятельной молодежкой вдовой, из библиотеки которой он присылал своим товарищам по неволе немецкие книги для чтения²⁶. Княжна Барятинская пожелала выйти замуж за подпоручика баварской службы Карла Шумана, находившегося в Рязанской губернии. Дело

было передано на рассмотрение Комитета министров, но тянулось так долго, что пленные получили свободу и вопрос отпал сам собой²⁷. А уже упоминавшийся Джузеппе Терци в итоге (уже после освобождения из плена в 1814 г.) женился на княжне Елизавете Михайловне Голицыной²⁸.

Рассчитывать на помощь пленные могли и со стороны своих соотечественников, и вообще европейцев, служивших и живших в России. В ряде случаев речь шла о личном знакомстве. Своих приятелей и земляков пленные встречали и в русской армии. К. Л. Х. Шенк, оказавшись в русской Главной квартире, увидел там своего старого знакомого, барона Х. фон Диста, служившего теперь по квартирмейстерской части. С Дистом Шенк учился вместе в Геттингене. «Во время пребывания в Главной квартире он сопровождал меня во всех моих прогулках, и я обязан ему некоторыми знаниями о русской армии», — вспоминал мемуарист. А Л. Л. Беннигсен дал Шенку рекомендательное письмо к воронежскому губернатору²⁹. К фон Лейссеру в русской Главной квартире по-доброму отнесся штабной офицер, хорошо говоривший по-немецки, но особенно большое участие в его судьбе принял молодой швейцарец по фамилии Бернхардт, который лично привел дивизионного хирурга, вюртембержца по происхождению. Врач хоть и ругал политику саксонского правительства, но отнесся к раненому с самым похвальным вниманием. Позднее в Москве Лейссер недолго жил в доме трубочиста — выходца из его родной Саксонии, который окружил раненого заботой и вниманием. Тут же пленника посетил другой саксонец, его бывший сослуживец, а теперь подполковник русской армии — он тоже сделал все возможное, чтобы облегчить положение земляка. А вскоре Лейссеру удалось занять 200 руб. у своего хорошего знакомого, который когда-то часто бывал в его доме в Дрездене, в России стал управляющим Особенной канцелярией министра полиции, а на момент описываемой встречи был директором военной полиции при армии. Это был Я. И. де Санглен³⁰. Однажды под Москвой во время стоянки Х. К. Циммерман услышал, как кто-то спрашивает о земляках из окрестностей Вердена. Циммерман отозвался. Незнакомец сунул ему в руку целую горсть серебряных монет; оказалось, что его супруга — дочь пастора из родных мест пленника. На эти деньги мемуарист купил себе ботинки и пальто³¹. Х. Веземан отмечает, что в Великих Луках много сделал для организации размещения и лечения пленных специально присланный для этого врач-немец. Именно он добился от городских властей принятия неотложных мер, направленных на сохранение жизни и здоровья бывших воинов наполеоновской армии. Помнил пленник и конвойного офицера из немцев, препровождавшего партию из Великих Лук до Вятки. Этот уроженец Вильны не был строг и предоставлял пленникам большую свободу³². Комендант города Лепеля, через который следовал Веземан с товарищами, тоже был немец. Именно к нему пленники обратились за защитой от грабивших их русских конвойных. В результате двое наиболее активных грабителей были наказаны палками³³. В Белостоке один из пленных саксонцев дал Фосслеру рекомендательное

письмо к своему знакомому доктору Шмидту, жившему в Минске. Шмидт спас там Фосслеру жизнь, обеспечив уход и лечение. А в Гродно Фосслер «немало приятных часов» провел у архитектора Багемюля, выходца из Пруссии, служившего в губернском правлении. Там же пленник охотно посещал престарелого майора фон Рота, выходца из Цвейбрюка³⁴. Немец-доктор спас Х. К. Циммермана в Бузулуке. Причину хорошего обращения с пленными в этом городе мемуарист видел в том, что и комендант там был немец³⁵. Примечательно, что эмигранты-роялисты Э. Ф. Сен-При и граф Л. В. Л. де Рошешуар, прибыв в декабре 1812 г. в Вильну, наполненную больными, ранеными и умирающими военнопленными Великой армии, сразу же отправились по городу разыскивать, нет ли среди них друзей и родственников³⁶.

По пути в Петербург Шенк останавливался в Твери в гостинице итальянца Галиани, где встретил дружелюбный прием и получил хорошее угощение. Итальянцы содержали гостиницы и в других местах, впрочем, их уровень не всегда был высок³⁷. Расквартированные под Петербургом вестфальский лейтенант Й. Ваксмут и его товарищи решили осмотреть столицу, въезд в которую пленным запрещался. Им помог совершить тайный визит и даже сделать покупки в Гостином дворе немецкий художник и гравер И. Я. Меттенляйтер. Завели пленники и знакомство с придворным музыкантом Бендером, который даже представил их случайно встреченной в парке императрице Елизавете Алексеевне³⁸. Получить разрешение на проживание в Петербурге маркизу Джузеппе Терци помог знаменитый Джакомо Кваренги, как и Терци, уроженец Бергамо, прекрасно знавший его семью³⁹. Особая ситуация сложилась в Саратовских колониях, где пленным было предложено записываться на работу к колонистам. По нашим подсчетам, этот путь адаптации к условиям пребывания в плену выбрали около 450 человек — примерно 10% пленных, находившихся в Саратовской губернии⁴⁰.

Впрочем, надо отметить, что помощь со стороны иностранных выходцев не была всеобщей нормой. Например, генерал Л. фон Вольцоген не изъявил никакого желания облегчить судьбу пленного вюртембержца Г. фон Фосслера, хоть и сам когда-то был на вюртембергской службе⁴¹. Враждебность к французским пленным демонстрировал рижский военный губернатор Ф. О. Пауллуччи⁴².

Иногда включались совершенно экзотические культурные механизмы. В Ошмянах упоминавшийся выше граф Рошешуар, который в компании с несколькими флигель-адъютантами императора двигался по улицам города, вдруг увидел группу пленных офицеров, посаженных в местную тюрьму и столпившихся у окон с железными решетками. Пленные были дочиста ограблены казаками, снявшими с них почти всю одежду. Заметив группу хорошо одетых всадников, пленники стали кричать, прося «хлеба и огня», при этом «они сопровождали свои мольбы порывистым размахиванием рук». Такие картины повторялись на каждом шагу, поэтому Рошешуар удивился, когда его спутники остановились, раздали пленникам имевшуюся провизию и одежду, приказали

старосте позаботиться об отоплении помещения и дали ему денег на покупку одежды и еды для пленных. Рошешуару же объяснили, что это масоны, которые подавали условные знаки, прося братьев о помощи⁴³. Саксонский капитан Ф. Л. Линдеман провел некоторое время в Белостоке, ожидая отправки на родину. В городе среди пленных офицеров оказалось несколько масонов (Линдеман в их числе), к масонам принадлежали и некоторые местные чиновники. Братья приняли решение провести общее собрание, которое и состоялось в доме, расположенном в отдаленной части города. Пока произносились тосты, какой-то злоумышленник бросил в окна дома несколько камней. Потом выяснилось, что это был офицер штаба Резервной армии князя Д. И. Лобанова-Ростовского. Масоны подали князю жалобу, и хулиган был наказан⁴⁴.

Значительные трудности для пленников представлял языковой барьер. Впрочем, лингвистическая ситуация была далеко не безнадежна. Фосслер пишет, что на землях Герцогства Варшавского пленники могли разговаривать со шляхтичами на французском или на немецком языке. Если же дворянин не понимал их, на помощь приходила латынь. «На крайний случай в распоряжении были евреи, которые наряду с местным языком все говорят на очень искаженном немецком», т. е. на идише⁴⁵. Латынь помогала пленным и в общении с местным священником в городе Орлове Вятской губернии, этот язык немного знал один бергский лансьер⁴⁶. Ситуация в Западных губерниях, присоединенных от Польши, была такой же, как и в герцогстве. Канонир Х. Веземан отмечает, что в этих областях евреи были единственными, с кем рядовые пленные могли разговаривать⁴⁷. На помощь дворянства рядовые, очевидно, рассчитывать могли не всегда. «Мы... во время марша обнимались с бродячими евреями, потому что они говорили по-немецки», — отмечает Циммерман⁴⁸. Сожалел, что в Рязани нет еврейских торговцев, и полковник Лейссер, потому что покупки по незнанию русского языка совершались тут с большим трудом⁴⁹. Во внутренних российских губерниях на немецком и французском языках говорила часть дворянства, а также иностранцы и их потомки, осевшие в России. Но и пленники постепенно осваивали русский язык, и как пишет Веземан, под Костромой при посещении одного из монастырей они уже вполне понимали объяснения монахов, проводивших неожиданным гостям своеобразную экскурсию⁵⁰. Естественными посредниками в общении с русским населением были по близости языков польские пленные. При всей ненависти, которую крестьяне проявляли к пленным, прежде всего в областях, разоренных войной, преодоление языкового барьера позволяло подчас успешно наводить культурные мосты между победителями и побежденными. Вестфальский лейтенант Й. Ваксмут вспоминал, что священник в Юхневе не понимал ни французского, ни немецкого, ни даже польского. В конце концов Ваксмут перешел на латынь, которую он учил еще в соборной школе. Узнав, что собеседник верит в Бога Отца, Сына и Святого Духа, поп громко объявил окружившему пленных простонародью, что перед ними хри-

стиане, и отправил посыльного к себе домой за провизией, чтобы накормить и напоить несчастных⁵¹.

Но и представления самих пленных о вере русских были тоже смутными. Так, например, пленный французский су-лейтенант О. де Белэ только в ходе бесед с хозяином дома в Бирске, где он жил, с некоторым удивлением для себя обнаружил, что он имеет дело с христианами: в России праздновали Пасху, исповедовались, причащались, держали длинные посты⁵². Подчас пленные копировали религиозные обычаи русских, что, несомненно, способствовало улучшению отношений. Однажды сержант Л. Флек, один из мемуаристов, зашел в крестьянскую избу, увидел в углу икону и перекрестился. Крестьяне очень удивились этому, так как считали, что французы не знают Бога и религиозных обрядов. «Они говорили друг другу: “O Voge meu — ette Kristianski” (Бог мой, это ведь христианин)»⁵³. Циммерман охотно следовал крестьянским обычаям — крестился на иконы, входя в дом и перед едой, мыл перед трапезой руки, для чего в каждом доме находился прикрепленный к стене горшок с водой. «Я не считал грехом подчиняться этим обычаям, — пишет пленник. — Это было единственным средством показать... что ты не язычник, веришь в Бога, в чем они (крестьяне. — Б. М.) сомневались по поводу большинства моих товарищей, которые вели себя не слишком умно. С тех пор, как я приспособился к их обычаям, меня никогда не обижали... чему другие подвергались тут и там»⁵⁴. Шенк считал большой ошибкой пленных, что, входя в крестьянские дома, они не крестились и не кланялись святым в углу, но это понимание пришло к нему не сразу. Однако пленные сообразили, что для получения в крестьянском доме продовольствия надо предложить деньги вперед — сельские жители опасались, что пленные поступят как русские солдаты, которые в таких случаях ничего не платили⁵⁵. Вообще копирование поведения местного населения было важным элементом стратегии адаптации пленных. Так, русские купцы в Саратове встречали на базаре пленных обычно бранными словами, которые повторялись при движении бывших воинов Наполеона от лавки к лавке. «Только если вы могли удачно ответить им крепко и грубо на русском языке, устанавливался мир. И мы очень скоро также научились этому от польских офицеров», — пишет мемуарист⁵⁶. Веземан рассказывает, что в городе Орлове Вятской губернии, где он находился некоторое время, местным жителям нравилось, если пленные перенимали их обычаи. «Они позволяли нам пользоваться их паровыми банями и с удовольствием смотрели на то, что мы тоже присутствовали на их богослужениях», — вспоминал пленник⁵⁷.

Важным фактором адаптации было владение каким-нибудь мастерством или профессией. А. С. Фигнер, прославившийся своим жестоким отношением к пленным, по словам мемуариста, вернул попавшему в плен медику набор хирургических инструментов, отобранных в ходе грабежа его бойцами, сославшись на то, что он может их использовать во время своего плена⁵⁸. Подчас даже владение музыкальным инструментом могло сыграть положительную роль

в судьбе пленника. В чемодане ротного писаря Х. К. Циммермана взявшие его в плен казаки нашли флейту и тут же потребовали сыграть. Пленнику дали хороший кусок хлеба и тот сыграл вальс, потом играл еще и еще. В итоге казаки даже дали Циммерману лошадь, в то время как прочие пленники должны были идти пешком. Позднее уже в Бузулуке он развлекал своей игрой на флейте и гитаре местных дворян⁵⁹. По свидетельству мемуаристов, многие офицеры в Саратовской губернии стали давать уроки французского языка, кто-то преподавал математику, фехтование, рисование⁶⁰. Уже упоминавшийся Дж. Терци был художником и выжил в Вильне во многом благодаря тому, что рисовал портреты на заказ. 29 марта 1813 г. он писал из Вильны матери: «Я живу в этом городе, окруженный роскошью и почестями, пользуясь самыми изысканными благами благодаря моему скромному таланту живописца — настоящий арлекин, выступающий в роли фальшивого принца». Имел Терци собственную мастерскую и в Петербурге⁶¹. Французский инженер-капитан Глейз с 1 сентября 1813 по июль 1814 г. преподавал в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, читал гражданскую и военную архитектуру, а также вместо умершего в декабре 1813 г. академика С. Е. Гурьева — лекции по механике⁶². Протекцию Глейзу как выпускнику парижской Политехнической школы составил Августин Бетанкур⁶³. Итальянцы в Тамбове организовали маленький театр марионеток, в котором главными персонажами были Арлекино и Полишинель. Их шутки, «казалось, необыкновенно занимали русских, хотя они ничего не понимали»⁶⁴. Пленники в Бузулуке плели колечки из конского волоса, красили их, вываривая для этого остатки униформы. Эти колечки потом продавались или дарились местным жителям⁶⁵. Пленники в Пермской губернии, по рассказу капрала Бюттнера, зарабатывали тем, что шили одежду для рекрутов⁶⁶.

Большинство перечисленных факторов были связаны с теми модернизационными процессами, которые происходили в России на протяжении XVIII — первой половины XIX в., с заимствованием западноевропейских культурных ценностей и моделей поведения. Это и европеизация российского дворянства, высшие круги которого к тому же были связаны с европейской элитой разнообразными личными связями, это и корпоративный этос новой, созданной Петром Великим армии с ее опытом ведения европейских войн и с соответствующими представлениями о воинской чести и о нормах отношения к пленному противнику, восходящих к рыцарским временам и зафиксированных в практике международного права Нового времени. Это и языковая ситуация, также во многом определявшаяся проникновением европейской культуры по крайней мере в верхние слои российского общества, и наконец множество живших в России иностранцев и их потомков, для которых пленные Великой армии были скорее «своими», чем «чужими». Принадлежность к европейской христианской традиции в широком смысле — в тех случаях, когда пленные демонстрировали это очевидным для широких слоев населения образом, — также играла свою роль. Этими же факторами обусловлено и то, что часть

пленных, хоть и очень небольшая (около 1500 человек⁶⁷), осталась в России, связав с ней свою судьбу, как и многие иностранцы, приехавшие «на ловлю счастья и чинов».

- ¹ *Бессонов В. А.* Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 114.
- ² *Шенк К. Х. Л.* Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвиг Шенка // Мой плен в России в 1812, 1813 и 1814 годах. Воспоминания немецких военнослужащих армии Наполеона / Пер., предисл. и коммент. С. Н. Хомченко. М., 2023. С. 25, 26.
- ³ Там же. С. 27.
- ⁴ *Vaudoncourt G.* Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812. Paris, 1817. P. 161.
- ⁵ Ibid. P. 190–199.
- ⁶ К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 182.
- ⁷ *Conrady L. W.* Aus stürmischer Zeit. Berlin, 1907. S. 351.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–12.
- ⁹ *Фосслер Г., фон.* На войне под наполеоновским орлом. Дневник (1812–1814) и мемуары (1828–1829) вюртембергского обер-лейтенанта Генриха фон Фосслера / Под ред. Д. А. Сдвижкова. М., 2017. С. 190, 195.
- ¹⁰ *Лейссер А. фон.* Битва у Можайска 7 сентября 1812 г. и последующие со мной события // Саксонский кирасир, вестфальский гусар и баварский шеволежер. Воспоминания немецких кавалеристов о войне 1812 года и плене в России. СПб., 2020. С. 25, 28.
- ¹¹ *Рюпель С. Э.* Военнопленный в сердце России // Саксонский кирасир, вестфальский гусар и баварский шеволежер. С. 110–114.
- ¹² Там же. С. 142.
- ¹³ *Веземан Х.* Канонир императора. Военный дневник Хайнриха Веземана // Мой плен в России в 1812, 1813 и 1814 годах. С. 187, 188.
- ¹⁴ *Циммерман Х. К.* До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов // Мой плен в России в 1812, 1813 и 1814 годах. С. 226–227.
- ¹⁵ *Лейссер А. фон.* Битва у Можайска 7 сентября 1812 г. и последующие со мной события. С. 34, 37.
- ¹⁶ Там же. С. 50.
- ¹⁷ *Шенк К. Х. Л.* Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвиг Шенка. С. 38–39.
- ¹⁸ *Рюпель С. Э.* Военнопленный в сердце России. С. 116.
- ¹⁹ *Тотфалдушин В. П.* Саратовский край и Наполеоновские войны. Саратов, 2011. С. 173–174.
- ²⁰ *Шенк К. Х. Л.* Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвиг Шенка. С. 57, 83.
- ²¹ *Циммерман Х. К.* До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 241.
- ²² *Yelin Ch. L.* In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuerttembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen, 1910. S. 84–85.
- ²³ *Шенк К. Х. Л.* Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвиг Шенка. С. 33, 34.
- ²⁴ *Бюттнер.* Описание судьбы и страданий бывшего капрала Бютнера... во время его 19-месячного плена в России. В 1812 и 1813 годах // Саксонский кирасир, вестфальский гусар и баварский шеволежер. С. 211.

- ²⁵ Материалы по истории СССР первой четверти XIX века из частных собраний Италии: Переписка семьи Терци. 1812–1814 гг. / Подг. текста, предисл. и пер. Ю. П. Глушаковой. М., 1987. С. 153, 164, 165, 168.
- ²⁶ *Фосслер Г., фон.* На войне под наполеоновским орлом. С. 203.
- ²⁷ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 48. Л. 447–452; Д. 65. Л. 275–276.
- ²⁸ Материалы по истории СССР первой четверти XIX века из частных собраний Италии. С. 4.
- ²⁹ *Шенк К. Х. Л.* Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвиг Шенка. С. 24, 26.
- ³⁰ *Лейссер А. фон.* Битва у Можайска 7 сентября 1812 г. и последующие со мной события. С. 27, 35–38, 42.
- ³¹ *Циммерман Х. К.* До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 229.
- ³² *Веземан Х.* Канонир императора. Военный дневник Хайнриха Веземана. С. 199, 202.
- ³³ Там же. С. 191.
- ³⁴ *Фосслер Г., фон.* На войне под наполеоновским орлом. С. 194, 197, 199.
- ³⁵ *Циммерман Х. К.* До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 237, 241.
- ³⁶ *Рошешуар Л. В. Л., де.* Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I. М., 1914. С. 186.
- ³⁷ *Шенк К. Х. Л.* Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвиг Шенка. С. 90, 94, 95.
- ³⁸ *Ваксмут И. И.* История моего плена в России в 1812 и 1813 годах. Краткий рассказ лейтенанта вестфальской королевской армии // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 405–409.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 81. Л. 1.
- ⁴⁰ *Миловидов Б. П.* Военнопленные Наполеоновской армии в Саратовских колониях в 1813–1820 гг.: новые материалы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXII Международной научной конференции. Бородино, 2019. С. 14–71.
- ⁴¹ *Фосслер Г., фон.* На войне под наполеоновским орлом. С. 191.
- ⁴² *Циммерман Х. К.* До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 225.
- ⁴³ *Рошешуар Л. В. Л., де.* Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I. С. 184.
- ⁴⁴ *Линдеман Ф. Л.* Мой плен в России в 1812 и 1813 годах; взгляд на величие и славу России // Мой плен в России в 1812, 1813 и 1814 годах. С. 155.
- ⁴⁵ *Фосслер Г., фон.* На войне под наполеоновским орлом. С. 196.
- ⁴⁶ *Веземан Х.* Канонир императора. Военный дневник Хайнриха Веземана. 209.
- ⁴⁷ Там же. С. 193.
- ⁴⁸ *Циммерман Х. К.* До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 237.
- ⁴⁹ *Лейссер А. фон.* Битва у Можайска 7 сентября 1812 г. и последующие со мной события. С. 48.
- ⁵⁰ *Веземан Х.* Канонир императора. Военный дневник Хайнриха Веземана. С. 204.
- ⁵¹ *Ваксмут И. И.* История моего плена в России в 1812 и 1813 годах. С. 371.
- ⁵² *Белз О. де.* Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России. С. 281.
- ⁵³ *Fleck A.* Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Rußland. Hildensheim, 1845. S. 103.
- ⁵⁴ *Циммерман Х. К.* До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 245.
- ⁵⁵ *Шенк К. Х. Л.* Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвиг Шенка. С. 47, 48.

- ⁵⁶ Там же. С. 58.
- ⁵⁷ Веземан Х. Канонир императора. Военный дневник Хайнриха Веземана. С. 207.
- ⁵⁸ Шенк К. Х. Л. Сообщения о жизни французского подполковника Карла Христиана Людвига Шенка. С. 22.
- ⁵⁹ Циммерман Х. К. До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 225–226, 241.
- ⁶⁰ Тотфалушин В. П. Саратовский край и Наполеоновские войны. Саратов, 2011. С. 174.
- ⁶¹ Материалы по истории СССР первой четверти XIX века из частных собраний Италии. С. 116.
- ⁶² Ларионов А. М. История Института инженеров путей сообщения императора Александра I за первое столетие его существования. 1810–1910. СПб., 1910. С. 50.
- ⁶³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 676. Л. 6г.
- ⁶⁴ Kurz K. Die Wuertemberger in Russland. Esslingen, 1838. S. 215.
- ⁶⁵ Циммерман Х. К. До самой Сибири. Воспоминания о походе в Россию и плене 1812–1814 годов. С. 247.
- ⁶⁶ Бюттнер. Описания судьбы и страданий бывшего капрала Бютнера. С. 209.
- ⁶⁷ Миловидов Б. П. Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IX. М., 2010. С. 277.

Referenses

- BEULAY O. de. *Vospominaniya grenadera Velikoj armii* [Memoirs of a Grenadier of the Grand Army. In Russ.] // *Voennoplennye armii Napoleona v Rossii. 1806–1814: Memuary. Issledovaniya* [Prisoners of war of Napoleon's army in Russia. 1806–1814. Memoirs. Studies. In Russ.]. St. Petersburg, 2012. P. 225–340.
- BESSONOV V. A. *Voennoplennyye 1812 g. v Rossii* [Prisoners of war of 1812 in Russia. In Russ.] // *Voennoplennye armii Napoleona v Rossii. 1806–1814. Memuary. Issledovaniya* [Prisoners of war of Napoleon's army in Russia. 1806–1814. Memoirs. Studies. In Russ.]. St. Petersburg, 2012. P. 69–114.
- BÜTTNER. *Opisaniya sud'by i stradanij byvshego kaprala Byutnera... vo vremya ego 19-mesyachnogo plena v Rossii. V 1812 i 1813 godah* [Descriptions of the fate and sufferings of former Corporal Beutner... during his 19-month captivity in Russia. In 1812 and 1813. In Russ.] // *Saksonskij kirasir, vestfal'skij gusar i bavorskij shevolezher. Vospominaniya nemeckih kavaleristov o vojne 1812 goda i plene v Rossii* [Saxon cuirassier, Westphalian Hussar and Bavarian Chevalier. Memoirs of German cavalrymen about the War of 1812 and captivity in Russia. In Russ.]. St. Petersburg, 2020. P. 194–233.
- CONRADY L. W. *Aus stürmischer Zeit*. Berlin, 1907.
- FLECK A. *Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleon's Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Rußland*. Hildensheim, 1845.
- K chesti Rossii. Iz chastnoj perepiski 1812 goda* [To the honor of Russia. From private correspondence in 1812. In Russ.]. Moscow, 1988.
- KURZ K. *Die Wuertemberger in Russland*. Esslingen, 1838.
- LARIONOV A. M. *Istoriya Instituta inzhenerov putej soobshcheniya imperatora Aleksandra I za pervoe stoletie ego sushchestvovaniya. 1810–1910*. [The history of the Institute of Railway Engineers of Emperor Alexander I for the first century of its existence. 1810–1910. In Russ.]. St. Petersburg, 1910.
- LEYSSER A., von. *Bitva u Mozhajska 7 sentyabrya 1812 g. i posleduyushchie so mnoj sobytiya* [The Battle of Mozhaisk on September 7, 1812 and the events that followed with me. In Russ.] // *Saksonskij kirasir, vestfal'skij gusar i bavorskij shevolezher. Vospominaniya nemeckih kavaleristov o vojne 1812 goda i plene v Rossii* [Saxon cuirassier, Westphalian Hussar and Bavarian Chevalier. Memoirs of German cavalrymen about the War of 1812 and captivity in Russia. In Russ.]. St. Petersburg, 2020. P. 11–72.
- LINDEMANN F. L. *Moj plen v Rossii v 1812 i 1813 godah; vzglyad na velichie i slavu Rossii* [My captivity in Russia in 1812 and 1813; a look at the greatness and glory of Russia. In Russ.] // *Moj plen v Rossii v 1812, 1813 i 1814 godah. Vospominaniya nemeckih voennosluzhashchih armii Napoleona* [My captivity in Russia

in 1812, 1813 and 1814. Memoirs of the German soldiers of Napoleon's army. In Russ.] / Perevod, predislovie i komentarii S.N. Homchenko. Moscow, 2023. P. 117–158.

Materialy po istorii SSSR pervoj chetverti XIX veka iz chastnyh sobranij Italii: Perepiska sem'i Terzi. 1812–1814 gg. [Materials on the history of the USSR in the first quarter of the 19th century from private collections in Italy: Correspondence of the Terzi family. 1812–1814. In Russ.] / Podgotovka teksta, predislovie i perevod Yu. P. Glushakovo. Moscow, 1987.

MILOVIDOV B. P. *Alfavit voennoplennykh, ostavshihся v Rossii posle Otechestvennoj vojny 1812 goda* [The alphabet of prisoners of war who remained in Russia after the Patriotic War of 1812. In Russ.] // Epoha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya [The Epoch of 1812: Studies. Sources. Historiography. In Russ.]. IX. Moscow, 2010. P. 265–338.

MILOVIDOV B. P. *Voennoplennyye Napoleonovskoy armii v Saratovskikh koloniyah v 1813–1820 gg.: novye materialy* [Prisoners of war of the Napoleonic army in the Saratov colonies in 1813–1820: new materials. In Russ.] // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. In Russ.]. Borodino, 2019. P. 14–71.

ROCHECHOUART L. V. L., de. *Memuary grafa de Rosheshuara, ad'yutanta imperatora Aleksandra I* [Memoirs of the Comte de Rochechouart, aide-de-camp to Emperor Alexander I. In Russ.]. Moscow, 1914.

RÜPPEL S. E. *Voennoplennyy v serdce Rossii* [A prisoner of war in the heart of Russia. In Russ.] // Saksonskij kirasir, vestfal'skij gusar i bavarskij shevolezher. Vospominaniya nemeckikh kavaleristov o vojne 1812 goda i plene v Rossii [Saxon cuirassier, Westphalian Hussar and Bavarian Chevalier. Memoirs of German cavalymen about the War of 1812 and captivity in Russia. In Russ.]. St. Petersburg, 2020. P. 73–193.

SHENCK K. H. L. *Soobshcheniya o zhizni francuzskogo podpolkovnika Karla Hristiana Lyudviga Shenka* [Reports on the life of French Lieutenant Colonel Carl Christian Ludwig Schenck. In Russ.] // Moj plen v Rossii v 1812, 1813 i 1814 godah. Vospominaniya nemeckikh voennosluzhashchih armii Napoleona [My captivity in Russia in 1812, 1813 and 1814. Memoirs of the German soldiers of Napoleon's army. In Russ.] / Perevod, predislovie i komentarii S.N. Homchenko. Moscow, 2023. P. 11–116.

TOTFALUSHIN V. P. *Saratovskij kraj i Napoleonovskie vojny* [Saratov Region and the Napoleonic Wars. In Russ.]. Saratov, 2011.

VAUDONCOURT G. *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812*. Paris, 1817.

VOSSLER G., von. *Na vojne pod napoleonovskim orlom. Dnevnik (1812–1814) i memuary (1828–1829) vyurtembergskogo ober-lejtenanta Genriha fon Fosslera* [In the war under the Napoleonic eagle. Diary (1812–1814) and memoirs (1828–1829) of the Württemberg Oberleutnant Heinrich von Vossler. In Russ.] / Pod red. D. A. Sdvizhkova. Moscow, 2017.

WACHSMUTH J. *Istoriya moego plena v Rossii v 1812 i 1813 godah. Kratkij rasskaz lejtenanta vestfal'skoj korolevskoj armii* [The story of my captivity in Russia in 1812 and 1813. A short story by a lieutenant of the Royal Westphalian Army. In Russ.] // Voennoplennyye armii Napoleona v Rossii. 1806–1814: Memuary. Issledovaniya [Prisoners of war of Napoleon's army in Russia. 1806–1814. Memoirs. Studies. In Russ.]. St. Petersburg, 2012. P. 341–428.

WESEMANN H. *Kanonir imperatora. Voennyj dnevnik Hajnriha Wezemena* [The Emperor's gunner. Heinrich Weseman's War Diary. In Russ.] // Moj plen v Rossii v 1812, 1813 i 1814 godah. Vospominaniya nemeckikh voennosluzhashchih armii Napoleona [My captivity in Russia in 1812, 1813 and 1814. Memoirs of the German soldiers of Napoleon's army. In Russ.] / Perevod, predislovie i komentarii S.N. Homchenko. Moscow, 2023. P. 159–211.

YELIN CH. L. *In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuerttembergischen Offiziers von Yelin*. Muenchen, 1910.

ZIMMERMANN CH. C. *Do samoj Sibiri. Vospominaniya o pohode v Rossiyu i plene 1812–1814 godov* [All the way to Siberia. Memories of the campaign in Russia and the captivity of 1812–1814. In Russ.] // Moj plen v Rossii v 1812, 1813 i 1814 godah. Vospominaniya nemeckikh voennosluzhashchih armii Napoleona [My captivity in Russia in 1812, 1813 and 1814. Memoirs of the German soldiers of Napoleon's army. In Russ.] / Perevod, predislovie i komentarii S.N. Homchenko. Moscow, 2023. P. 212–257.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. П. Миловидов. Факторы социокультурной адаптации военнопленных армии Наполеона в России // Петербургский исторический журнал. 2024. № 1. С. 20–33

Аннотация: Статья, основанная прежде всего на мемуарных источниках, посвящена факторам социокультурной адаптации военнопленных наполеоновской армии, несколько десятков тысяч которых, пережив гуманитарную катастрофу, оказались разбросанными по всей территории Европейской России. Большинство этих факторов были связаны с модернизационными процессами, которые происходили в России, с заимствованием западноевропейских культурных ценностей и моделей поведения. Российские дворяне, ориентированные в большинстве на европейскую культуру, охотно помогали пленным, принимали их в своих домах. Пленники могли рассчитывать на помощь и участие со стороны российских военных, тоже привыкших к европейским обычаям войны, частью которых было гуманное обращение с пленными. Даже в российской провинции было немало выходцев из европейских стран, также помогавших соотечественникам. Эти факторы влияли и на языковую ситуацию — распространение европейских языков облегчало общение.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., военнопленные, адаптация военнопленных, европеизация российского общества, языковая ситуация в России.

FOR CITATION

B. P. Milovidov. Factors of socio-cultural adaptation of prisoners of war of Napoleon's army in Russia // Petersburg historical journal, no. 1, 2024, pp. 20–33

Abstract: The article, based primarily on memoir sources, is devoted to the factors of socio-cultural adaptation of the prisoners of war of Napoleon's army, several tens of thousands of whom, having survived the humanitarian catastrophe, found themselves scattered throughout the territory of European Russia. Most of these factors were related to the modernisation processes that took place in Russia, the borrowing of Western European cultural values and models of behavior. The Russian nobility, oriented mostly towards European culture, willingly helped the captives and welcomed them into their homes. The captives could count on the help and participation of the Russian military, who were also used to European customs of warfare, part of which included humane treatment of prisoners. Even in the Russian provinces there were many natives of European countries who also helped their compatriots. These factors also influenced the linguistic situation — the spread of European languages made communication easier.

Key words: The Patriotic War of 1812, prisoners of war, adaptation of prisoners of war, Europeanization of Russian society, the language situation in Russia.

Автор: **Миловидов, Борис Павлович** — младший научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук; главный специалист отдела научных публикаций Российского государственного исторического архива.

Author: **Milovidov, Boris Pavlovich** — junior researcher at the Department of Modern History of Russia of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; Chief Specialist at the Department of Scientific Publications of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg).

E-mail: milbp@yandex.ru